

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ХАРЬКОВСЬКИЙ ПОЛІТЕХНІЧЕСЬКИЙ ІНСТИТУТ»

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФИЛОСОФИИ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ**
УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВСЕХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Утверждено
редакционно-издательским
советом университета,
протокол № 3 от 10.10.2018 р.

Харьков
НТУ «ХПИ»
2019

УДК 1: 101

Рецензенты:

В.Н. Скляр, д-р. истор. наук, проф. НТУ «ХПИ»

А.К. Чаплыгин, д-р филос. наук, проф. ХНАДУ

Авторы

Владленова И.В., Глущенко Е. В., Годзь Н. Б., Дольская О. А., Дышкант Т. М., Ермоловский Н. А., Мищенко В. И., Кальницкий Э. А., Смоляга М. В., Федровская М. Г., Тарароев Я. В.

Владленова И.В.

В 57 Хрестоматия по философии: практические задания и вопросы: учебное издание для студентов всех специальностей, в том числе, иностранных учащихся /Владленова И.В., Глущенко Е.В., Годзь Н.Б. – Харьков : НТУ «ХПИ», 2019. – 77 с.

Издание содержит фрагменты текстов известных философов. Вопросы к текстам нацелены на закрепление пройденного материала и повышение понимания прочитанного.

Библиогр.: 5 назв.

УДК 1: 101

© И.В. Владленова, 2019.

© НТУ «ХПИ», 2019 р.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1. Античная философия Платон Государство (7 книга). Миф о пещере. Аристотель Политика Эпикур Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»	5
Тема 2. Философия Средневековья Ориген Адаманти «Толкование на Матфея» Аврелий Августин Иппонийский О граде Божьем Уильям Оккам Виды знания	11
Тема 3. Философия эпохи Возрождения Пико делла Мирандола О Сущем и Едином Никколо Макиавелли Государь Томас Мор. Утопия. О религии утопийцев. О должностных лицах	17
Тема 4. Философия Нового времени Григорий Сковорода Пчела и шершень Ф. Бэкон Опыты, или наставления нравственные и политические. Об истине Дж. Локк Рассуждение о чудесах И. Кант Основы метафизики нравственности	25
Тема 5. Философия 19-21 века Жан-Поль Шарль Эмар Сартр «Тошнота» Жан-Поль Шарль Эмар Сартр «Экзистенциализм-это гуманизм» П. Рикёр Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике З. Фрейд Толкование сновидений. Сновидение – осуществление желания Д. Келли «Теория личности (теория личных конструктов). С. Лиленфельд и др. 50 великих мифов популярной психологии Ф. Ницше Антихрист. Проклятие христианству Ф. Ницше Человеческое, слишком человеческое А. Бергсон Смех Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты Н. Н. Талеб Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости Т. Метцингер Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго Т. Нагель Каково быть летучей мышью? Ж.Бодрийяр Симулякры и симуляция К. Поппер Все люди — философы: Как я понимаю философию А. Хмелевски Для чего нужна философия?	33

ВВЕДЕНИЕ

Использование первоисточников на практических занятиях по философии очень важно. Чтение философских текстов помогает «настроить диалог» с философами разных времен, почувствовать особенность, уникальность философских текстов, специфичность философского языка и разных форм выражения мысли. В данном издании ко всем текстам предлагаются дополнительные вопросы, направленные на углубление осмысления текстов. Отвечая на вопросы, студенты пробуждают интерес к собственной интерпретации. Хрестоматия по философии содержит избранные фрагменты и выдержки из оригинальных произведений наиболее известных и авторитетных философов, работы которых представляют собой часть богатейшего наследия мировой философской мысли.

Тема 1. Античная философия

Античная философия – исторически первая форма европейской теоретической мысли, ставшая основой развития, а также культурным горизонтом для всех последующих форм мышления. Хронологически история античной философии охватывает период примерно с 6 в. до н.э. по 6 в. н.э.

Платон предстает родоначальником тысячелетней традиции платонизма, самого влиятельного философского учения античности. В 387 году им была основана философская школа (Академия), история существования которой завершится вместе с историей самой античной философии. Среди учеников самым известным был Аристотель. По жанру основная часть произведений Платона представляет собой диалоги.

Основная часть наследия Аристотеля – исследовательские трактаты («прагматики») и записи к лекциям. Аристотель в «Метафизике» заметил, что философия начинается с удивления: «И теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу таким образом продвигаясь далее, они задавались вопросом о более значительном» (Met. 98b12).

Платон (427-347 г. до н.э.) – древнегреческий философ, основатель объективного материализма.

Платон Государство (7 книга). Миф о пещере.

«– Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю её длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не

могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, ограждённая невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа её так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, своё ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнём на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– Если бы в их темнице отдавалось эхом всё, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?.. Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять всё это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да ещё если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок

заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

– А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернётся он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так».

Вопросы.

1. Почему Платон вводит понятие «узники»? Каково его аллегорическое содержание?

2. Почему нельзя узникам сразу посмотреть на свет?

3. Как этот миф объясняет концепцию идей?

Аристотель (384 год до н. э., Стагира, Фракия – 322 год до н. э., Халкида, остров Эвбея) – древнегреческий философ. Ученик Платона. Наиболее влиятельный из философов древности; основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат, который до сих пор пронизывает философский лексикон и стиль научного мышления, заложил основы современных естественных наук.

Аристотель Политика.

«И все же олигархия и тирания более кратковременные виды государственного строя. Дольше всего сохранялась тирания в Сикионе – тирания потомков Орфагора и самого Орфагора; она длилась сто лет⁸⁸. Причина та, что они обращались с подданными кротко, во многом рабски подчинялись законам, далее – то, что к Клинсфену, оказавшемуся человеком воинственным, не относились с презрением, и, наконец, то, что они своими заботами, подобно демагогам, во многих отношениях расположили

народ в свою пользу. По преданию, Клисфен увенчал венком того судью, который отказался признать его победителем, а некоторые добавляют даже, будто стоящая на площади статуя изображает того, кто вынес такое решение. И о Писистрате также рассказывают, будто он, вызванный на суд Ареопага, подчинился основным началом демократического строя является свобода. По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой, ибо к ней, как утверждают, стремится всякая демократия. А одно из условий свободы – по очереди быть управляемым и править. В самом деле, основное начало демократического права состоит в том, что равенство осуществляется в количественном отношении, а не на основании достоинства; если справедливость – в этом, то, разумеется, верховная власть принадлежит народной массе, и то, что решено будет большинством, должно считаться решением окончательным и справедливым. Все граждане, говорят, должны пользоваться равными правами, так что в демократиях неимущие оказываются обладателями большей власти, нежели состоятельные; ведь они составляют большинство, а верховную силу имеет решение большинства. Итак, одним из признаков демократического строя, по признанию всех сторонников демократии, является свобода. Второе начало – жить так, как каждому хочется; эта особенность, говорят, есть именно следствие свободы, тогда как следствие рабства – отсутствие возможности жить как хочется. Итак, это второй отличительный признак демократического строя, отсюда уже возникло стремление не быть вообще в подчинении – лучше всего ни у кого, если же этого достигнуть нельзя, то по крайней мере хотя бы поочередно. И в данном случае это стремление совпадает с началом свободы, основанным на равноправии».

Вопросы.

1. Каковы недостатки олигархии?
2. Почему тирания не может быть справедливым политическим устройством?
3. Каковы признаки справедливого государства?

Эпикур (342/341 до н. э., Самос – 271/270 до н. э., Афины) – древнегреческий философ, основатель эпикуреизма в Афинах («Сад Эпикура»).

Цитата из книги: **Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».**

«Люди обижают друг друга или из ненависти, или из зависти, или из презрения; но мудрец с помощью разума становится выше этого. Раз достигнув мудрости, он уже не может впасть в противоположное состояние, даже притворно. Он больше, чем другие, доступен страстям, но мудрости его они не препятствуют. Впрочем, не при всяком теле и не во всяком народе возможно ему стать мудрецом. Даже под пыткой мудрец счастлив. Он один способен к благодарности, которую выражает в добрых словах о друзьях, как присутствующих, так и отсутствующих. Впрочем, под пыткой он будет и стонать и стенать. Из женщин он будет близок лишь с такими, с какими это допускает закон (так пишет Диоген в "Обзоре Эпикуровых нравственных учений"). Рабов он не будет наказывать, а будет жалеть и усердных прощать. По их суждению, мудрец не должен быть влюблен, не будет заботиться и о своем погребении; любовь дана людям отнюдь не от богов, как говорит Диоген в XII книге. Красивых речей говорить он не будет. А плотское общение, по их словам, никогда еще не приносило пользы; но хорошо и то, что оно не приносило и вреда. Ни жениться, ни заводить детей мудрец тоже не будет (так пишет сам Эпикур в "Сомнениях" и в книгах "О природе"); правда, при некоторых житейских

обстоятельствах он может и вступить в брак, но других будет отговаривать. Он не будет болтать вздора даже пьяный (так пишет Эпикур в "Пире"); не будет заниматься государственными делами (так пишет он в I книге "Об образе жизни"); не станет тираном; не станет жить и киником (так пишет он во II книге "Об образе жизни") или нищенствовать. Даже ослепнув, он не лишит себя жизни (сказано там же). Мудрец доступен даже горю, как говорит Диоген в V книге "Выборок". Он будет выступать в суде; он оставит и сочинения, только не похвальные слова; он будет заботиться и о своем добре, и о будущем. Ему по нраву будет сельская жизнь. Он сумеет противостоять судьбе и никогда не покинет друга. О своем добром имени он будет заботиться ровно столько, сколько нужно, чтобы избежать презрения. Зрелища будут ему даже приятнее, чем остальным. Он и статуи будет ставить по обету; а если поставят статую ему самому, то отнесется к этому спокойно. Мудрец один способен верно судить о поэзии и музыке, хотя сам и не будет писать стихов. Один мудрец другого не мудрее. Обеднев, мудрец будет и деньги наживать, но только своею мудростью; будет помогать и правителю, когда придет случай; и будет благодарен всякому, кто его поправит. Он заведет и школу, но не так, чтобы водить за собою толпу; будет выступать с чтениями и перед народом, но только когда его попросят. Он будет держаться догм, а не сомнений; и даже во сне он останется сам собою. А при случае он даже умрет за друга».

Вопросы.

1. Что такое удовольствие? Как его достичь?
2. Чем умный/разумный человек отличается от мудрого?
3. Можно ли противостоять судьбе?

Тема 2. Философия Средневековья

Средневековая философия, философия Средневековья – исторический этап развития западной философии, охватывающий период с V по XV века. Характеризуется теоцентричностью взглядов.

Ориген Адамант (ок. 185, Александрия – ок. 254, Тир) – греческий христианский теолог, греческий христианский теолог, философ, учёный. Основатель библейской филологии. Автор термина «Богочеловек». Был учеником неоплатоника Аммония Саккаса.

Ориген Адамант «Толкование на Матфея» 13.1 // PG XIII, 1088ab и 1089bc

«Допущение метемпсихозы или перевоплощения душ несовместно с кончиной мира, которую ясно утверждает Писание. Ибо если предположим, что всякая душа в течение нынешнего порядка вещей от начала и до конца мира воплощается не более как два раза, спрашивается: зачем она воплощается во второй раз? Затем ли, чтобы понести наказание за грехи первой жизни во плоти? Но если нет другого способа наказания души кроме послания её в тело, то очевидно ей пришлось бы воплощаться не два или три, а бесконечное число раз, и тогда уверению св. Писания, что небо и земля мимо идут, нет никакой возможности получить своё исполнение.

Но допустим и противное, то есть что души посредством воплощений будут всё более и более усовершенствоваться и очищаться, и что постепенно всё более будет возрастать число душ, не нуждающихся уже больше в телах, чем само собой приблизится наконец то время, когда живущих во плоти душ или вовсе не будет, или будет очень мало; но в таком случае как же получают своё исполнение слова Писания, которое говорит, что суд Божий застанет в живых множество грешников, и что пред кончиной мира

возрастёт и переполнится мера беззаконий на земле? Затем, грехи тех, которых застанет кончина мира, будут наказаны по Писанию, не перемещением из тела в тело, а совершенно иным образом. Итак, если защитники перевоплощения допускают кроме описываемых в слове Божиим наказаний ещё наказание переселением в новые тела, – то пусть покажут нам причины этого двойного наказания. Или же, что вернее, грешившие в телах будут нести наказание вне своих тел сами в себе в глубине собственной души своей».

Вопросы.

1. Как относится мыслитель к идее реинкарнации?
2. Что такое грех?
3. Каковы причины наказания?

Аврелий Августин Иппонийский (354 год, Тагаст, Нумидия, Северная Африка – 28 августа 430 года, Гиппон, близ Карфагена, Северная Африка) – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский (с 395 года), один из Отцов христианской церкви.

Аврелий Августин Иппонийский О граде Божьем. Глава 21. Об умерщвлении людей, которое не относится к преступлению человекоубийства.

«Впрочем, тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевавшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти,

наказывают злодеев смертью. И Авраам не только не укоряется в жестокости, а напротив, восхваляется за благочестие потому, что хотел убить сына своего не как злодей, а повинаясь воле Божией (Быт. 22). Справедливо также ставится вопрос, не следует ли считать божественным повелением то, что Иеффай убил вышедшую ему навстречу дочь, так как он дал обет принести в жертву Богу то, что первым выйдет ему навстречу из ворот дома его, когда он будет возвращаться победителем с войны (Суд. 11). И Самсон оправдывается в том, что похоронил себя с гостями под развалинами дома именно потому, что сделать так повелел ему тайно Дух, который творил через него чудеса (Суд. 16). Итак, за исключением тех, кому повелевает убивать или правосудный закон, или непосредственно сам Бог, источник правосудия, всякий, кто убивает себя ли самого, или кого иного, становится повинным в человекоубийстве».

Вопросы.

1. Какие представления о Боге постулирует Августин?
2. Как трансформировались идеи христианства с течением времени?
3. Какие моральные/аморальные аспекты есть в христианстве?

Уильям Оккам (или *Оккамский*) (ок. 1285, Оккам, графство Суррей, Англия – 1347, Мюнхен, герцогство Бавария, Священная Римская империя) – английский философ, францисканский монах из Оккама. Бритва Оккама – принцип, лаконично сформулированный, как: «Не должно множить сущее без необходимости». Если выразить этот принцип более современным языком, то получится следующее. «Не следует умножать *сущности* сверх необходимого».

Уильям Оккам Виды знания.

«Итак, я утверждаю, что могут быть два вида знания несоставного (*incomplexi*) {1}: знание абстрагированное и знание интуитивное (*notitia abstractiva et notitia intuitiva*). Мне безразлично, все ли согласны называть несоставное знание интуитивным, ибо я хочу главным образом доказать лишь то, что разум может обладать двумя видами несоставного знания одной и той же вещи.

Следует, однако, знать, что и абстрагированное знание можно понимать двояко: в одном смысле это знание чего-то абстрагированного от множества единичных вещей, и тогда абстрагированное знание есть не что иное, как знание чего-то общего, что можно абстрагировать от множества вещей. Об этом будем говорить позже. Если же общее есть истинное качество, существующее в душе как ее субъект (*subjective*), что можно считать вероятным, то придется согласиться, что постигнуть общее можно интуитивно и что если таким образом понимать абстрагированное знание, то одно и то же знание будет в одно и то же время интуитивным и абстрагированным. В этом смысле абстрагированное знание и интуитивное знание не будут противоположны друг другу.

В ином смысле абстрагированное знание понимают как знание, абстрагированное от существования или несуществования и от других признаков, которые случайно принадлежат вещи или сказываются о ней. Это не [означает], что то, чего нельзя постигнуть посредством абстрагированного знания, можно постигнуть посредством интуитивного знания. Скорее одно и то же можно целиком постигнуть в одном и том же смысле посредством обоих видов знания.

Но различаются они следующим образом: интуитивное знание вещи есть такое знание, благодаря которому можно знать, существует вещь или нет, так что, если вещь существует, разум немедленно решает, что она существует, и с очевидностью постигает, что она существует, если ему случайно не помешает несовершенство этого знания. И точно так же если бы было такое совершенное, сохраненное божественным могуществом знание о вещи несуществующей, то благодаря несоставному интуитивному знанию разум с очевидностью постиг бы, что эта вещь не существует.

Далее, интуитивное знание таково, что когда мы постигаем несколько вещей, из которых одна связана с другой, или одна удалена от другой, или находится в каком-либо ином отношении с другой, то мы благодаря этому несоставному знанию этих вещей немедленно узнаем, связана ли [одна] вещь [с другой] или не связана, удалена ли она [от нее] или не удалена, и узнаем о других случайных истинах, если только это знание не слишком слабое и если нет других препятствий. Так, если Сократ поистине белый, то знание о Сократе и белизне, благодаря которому можно с очевидностью постигнуть, что Сократ белый, будет называться интуитивным знанием. И вообще всякое несоставное знание термина или терминов либо вещи или вещей, благодаря которому можно с очевидностью постигнуть некую случайную истину, особенно о наличной вещи, есть знание интуитивное.

Абстрагированное же знание - это знание, посредством которого нельзя с очевидностью знать, существует ли нечто случайное или нет. Тем самым абстрагированное знание абстрагируется от существования или несуществования, ибо посредством этого знания в противоположность интуитивному знанию нельзя знать, существует ли то, что

существует, или не существует то, чего нет. Подобным же образом нельзя посредством абстрагированного знания с очевидностью постигнуть случайную истину, особенно о наличной [вещи]. Это ясно из того, что когда знают Сократа и его белизну в его отсутствие, то посредством этого несоставного знания нельзя знать, существует Сократ или нет, белый он или нет, далеко ли отстоит от данного места или нет, и точно так же [нельзя знать] другие случайные истины. И тем не менее мы уверены, что эти истины могут быть с очевидностью постигнуты. И всякое составное знание терминов или вещей, обозначаемых этими терминами, в конце концов сводится к несоставному знанию терминов. Поэтому термины эти или вещи можно постигнуть посредством иного знания, чем то, посредством которого нельзя постигнуть такие случайные истины. И этим иным знанием будет интуитивное знание. С него и начинается основанное на опыте знание; ибо тот, кто на опыте может познать случайную истину и через ее посредство – истину необходимую, всегда имеет несоставное знание термина или вещи, которого не имеет тот, у кого нет этого опыта. Вот почему в соответствии с первой книгой "Метафизики" и со второй книгой "Второй Аналитики" Философа, подобно тому как знание о чувственных вещах, приобретаемое опытом, начинается с ощущения, то есть с чувственного интуитивного знания чувственных вещей, так и научное знание чисто умопостигаемых вещей, приобретаемое опытом, всегда начинается с интуитивного разумного знания этих умопостигаемых вещей.

Однако необходимо указать, что иногда из-за несовершенства интуитивного знания (ибо оно весьма несовершенно и смутно либо из-за препятствий со стороны объекта, либо из-за других препятствий) бывает, что

относительно вещи, постигнутой таким образом интуитивно, нельзя постигнуть никакие случайные истины или можно постигнуть [лишь] немногие такие истины.

Возможно ли интуитивное знание несуществующего объекта? Невозможно. Ибо противоречиво, чтобы было видение и ничего не было видно; следовательно, противоречиво, чтобы видение было, а видимого объекта не было. Против: видение – абсолютное качество, отделенное от объекта, и поэтому без всякого противоречия может происходить без объекта».

Вопросы.

1. Какие виды знания выделяет Оккам?
2. Как постигнуть общее?
3. Что такое абстрагирование?

Тема 3. Философия эпохи Возрождения

Философия Возрождения – направление в европейской философии XV– XVI веков. Характеризуется неприятием официальной католической религиозности и интересом к человеческой личности.

Джовани Пико делла Мирандола (24 февраля 1463, Мирандола, близ Модены – 17 ноября 1494, около Флоренции) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма.

Пико делла Мирандола О Сущем и Едином.

«Сущее имеет облик конкретного имени. Ведь равным образом можно сказать как «сущее», так и «нечто, что есть». Абстракцией этого, как кажется, является термин «бытие», ибо сущим зовется то, что причастно самому бытию, подобно тому как светящимся зовут то, что причастно свету и зрячим – кому свойственно зрение. Так, если мы исследуем точное значение сущего, то мы не признаем сущим не только то, что не есть, и что есть ничто, но и то, что есть до такой степени, что являлось бы самим

бытием, которое существует благодаря себе и само по себе (a se et ex se) и по причастности к которому существует все; подобно тому как мы сказали бы, что теплым не является не только то, что лишено тепла, но и само тепло. Таков ведь бог, который есть полнота всякого бытия, который единственный есть сам по себе и единственно от которого, без посредующего звена, все достигает бытия.

Итак, на этом основании мы воистину скажем, что бог не есть сущее, но превыше сущего; и что выше сущего – то есть сам бог; поскольку дается ему имя единого, было бы логично, с нашей стороны, признать, что единое превыше сущего.

Зовем же мы бога единым, не столько указывая, что он таков, сколько – каким образом он есть все, что имеет место быть, и каким образом от него проистекает другое. «Бог ведь, – говорит Дионисий, – зовется единым, так как он есть все вещи в единстве»; затем: «он единым зовется, так как есть начало всего, что существует, подобно тому как единица есть начало всех чисел». Вот почему, если (как утверждают академики) Платон в первой гипотезе «Парменида» утверждает, что единое превыше сущего, то это единое будет не что иное, как бог. Это они и сами признают, доказывая при полном единогласии, что здесь Платон трактует о первоначале всех вещей.

Но – скажет кто-нибудь – по крайней мере в этом отношении Аристотель будет расходиться с Платоном, ибо Аристотель никогда не понимал сущее таким образом, чтобы оно было ниже единого и не охватывало бога. Кто говорит сие – не читал Аристотеля. На самом деле и он говорит об этом также и более отчетливо, чем Платон».

Вопросы.

1. Что такое сущее? Что такое единое?
2. Как раскрывается понятие Бога в христианстве?

3. В чем расхождение между Платоном, Аристотелем и Мирандоллой в понимании божественного?

Никколо Макиавелли (3 мая 1469 года, Флоренция – 22 июня 1527 года, там же) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель – занимал во Флоренции пост секретаря второй канцелярии, отвечал за дипломатические связи республики, автор военно-теоретических трудов.

Никколо Макиавелли Государь Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх.

«Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Риманье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. Вергилий говорит устами Дидоны: *Res dura, et regni novitas me talia cogunt Moliri, et late fines custode tueri.* [*Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это Бдительно так рубежи*

охранять меня заставляет." Вергилий. Энеида, кн. I, 563-564. М., "Художественная литература", 1971. Перевод С. А. Ошерова.]

Однако новый государь не должен быть легковверен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

Поэтому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернуться. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушить страх без

ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многочисленное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой – необдуманно порицают главную его причину.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона – человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской

дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той природе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава – если бы он распоряжался единолично; но он состоял под властью сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше».

Вопросы.

1. Какими качествами, согласно Макиавелли, должен обладать государь?
2. Можно ли оправдывать жестокость правителя?
3. Может ли правитель быть мягкосердечным?

Томас Мор (1478–1535) – английский юрист, философ, писатель-гуманист.

Томас Мор. Утопия. О религии утопийцев. О должностных лицах.

«Когда Рафаил изложил все это, мне сейчас же пришло на ум немало обычаев и законов этого народа, заключающих в себе чрезвычайную нелепость. Таковы не только способ ведения войны, их церковные обряды и религии, а сверх

того и другие их учреждения, но особенно то, что является главной основой их устройства, а именно: общность их жизни и питания при полном отсутствии денежного обращения. Это одно совершенно уничтожает всякую знатность, великолепие, блеск, что, по общепринятому мнению, составляет истинную славу и красу государства. Но я знал, что Рафаил утомлен рассказом, и у меня не было достаточной уверенности, может ли он терпеливо выслушать возражения против его мнения, а в особенности я вспоминал, как он порицал некоторых за их напрасное опасение, что их не сочтут достаточно умными, если они не найдут в речах других людей того, за что их можно продернуть. Поэтому, похвалив устройство утопийцев и речь Рафаила, я взял его за руку и повел в дом ужинать. Правда, я сделал оговорку, что у нас будет еще время поглубже подумать об этом предмете и побеседовать с рассказчиком поосновательнее. Хорошо, если бы это когда-нибудь осуществилось! Между тем я не могу согласиться со всем, что рассказал этот человек, во всяком случае, и бесспорно глубоко образованный, и очень опытный в понимании человечества; но, с другой стороны, я охотно признаю, что в утопийской республике имеется очень много такого, чего я более желаю в наших государствах, нежели ожидаю. Конец послеполуденной беседы, которую вел Рафаил Гитлодей о законах и обычаях острова Утопии, известного доселе немногим, в записи славнейшего и ученейшего мужа г-на Томаса Мора, лондонского гражданина и виконта.

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом – филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофиларх. Все

сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно - одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо сената или народного собрания. Эта мера, говорят, принята с тою целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранией. Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собою и свое решение сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум, ибо потом он будет более

думать о том, как подкрепить свое первое решение, а не о пользе государства; извращенный и ложный стыд заставит его пожертвовать скорее общественным благом, нежели мнением о себе, что якобы вначале он мало позаботился о том, о чем ему надлежало позаботиться, а именно - говорить лучше обдуманно, чем быстро».

Вопросы.

1. Какую функцию выполняет религия в Утопии Томаса Мора?
2. Какой смысл у понятия «утопия» в современном звучании?
3. Можно ли построить на практике похоже общество?

Тема 4. Философия Нового времени

Философия Нового времени – период развития философии в западной Европе в XVII– XVIII веках, характеризующийся становлением капитализма, бурным развитием науки и техники, формированием экспериментально-математического мировоззрения.

Григорий Сковорода (1722–1794) – украинский философ, гуманист.

Григорий Сковорода Пчела и шершень

«– Скажи мнѢ, Пчела, для чего ты столь глупа? Знаешь, что трудов твоих плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны, но тебѢ часто и вредят, принося вмѢсто награжденія смерть, однак не перестаєте дурачитись в собираніи меда. Много у вас голов, но безмозгіе. Видно, что вы без толку влюбились в мед.

– Ты высокій дурак, господин совѣтник, – отвѣчала Пчела.

– Мед любит Ѣсть и медвѣдь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братья и дѣлает, если бы мы только Ѣсть любили. Но нам несравненно большая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рожденны и не престанем, поколь

умрем. А без сего жить и в изобилии меда есть для нас одна лютейшая смерть.

Сила. Шершень есть образ людей, живущих хищением чуждаго и рожденных на то одно, чтоб есть, пить и проч. А пчела есть герб мудраго человека, в сродном долге трудящагося. Многие шершни без толку говорят: для чего сей, например, студент научился, а ничего не имеет? На что-де учиться, если не иметь изобилия?.. Не рассуждая слов Сираха: «Веселие сердца – живот человеку», и не разумя, что сродное дело есть для него сладчайшее пиршество. Взгляните на правление блаженныя природы и научитесь. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселее? – Тогда, – отвечает вам, — когда гоню зайца. Когда вкуснее заец? – Тогда, – отвечает охотник, – когда ганяю.

Взгляните на сидящаго пред вами кота. Когда он куражнее? Тогда, когда целу ночь бродит или сидит возле норы, хотя, уловивши, и не есть мыши. Заприте в изобилии пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей летать по цветочным лугам? Что горестнее, как плавать в изобилии и смертно мучиться без сроднаго дела? Нет мучительнее, как болеть мыслями, а болят мысли, лишаясь сроднаго дела. И нет радостнее, как жить по натуре. Сладок здесь труд телесный, терпение тела и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается делом. Или так жить, или должно умереть. Старик Катон чем мудр и счастлив? Не изобилием, ни чином, – тем, что послужает натуре, как видно в Цицероновой книжечке «О старости». Сия одна есть милосердная мати и премудрая путеводительница. Сия преблагая домохозяйка несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натурѢ. Не закон скотских удов и похотей наших, но значит блаженное оное *естество*, называемое у богословов трисолнечное, всякой твари свою для нея часть и сродность вѢчно предписующее. О сем-то естествѢ сказал древній Епікур слѢдующее: «Благодареніе блаженной натурѢ за то, что нужное здѢлала нетрудным, а трудное ненужным».

А понеже в богѢ нѢсть мужскій пол ни женскій, но все в нем и он во всем, для того говорит Павел: «Иже есть всяческая во всем...»

Вопросы.

1. Может ли труд делать человека счастливым?
2. Получаем ли мы удовольствие от того, что делаем счастливыми других людей?
3. Подумайте, почему жизнь за счет чужого труда не может быть полноценной.

Фрэнсис Бэкон (22 января 1561 – 9 апреля 1626) – английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма и английского материализма.

Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. Об истине.

«Что есть истина?» – спросил насмешливо Пилат и не стал дожидаться ответа. Разумеется, есть люди, которые испытывают восторг от неопределенности и головокружения и считают, что они попадут в рабство, если станут придерживаться какого-либо неизменного убеждения, что истина повлияет на свободу воли как в мыслях, так и в поступках. И хотя секты такого рода философов исчезли, еще остаются нерешительные умы, которые сохраняют эту привычку, хотя они и не пользуются таким влиянием, какое имели философы древности. Но ложь попадает в фавор не только потому, что для обнаружения истины нужно преодолеть трудности и

приложить труд; и не потому, что, когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей; а в силу естественной, хотя и порочной любви ко лжи, как таковой. Одна из более поздних философских школ греков занималась этим вопросом и зашла в тупик, не зная, что же во лжи есть такого, что она нравится людям, хотя она и не доставляет им наслаждения, как поэтам, и не приносит им барыша, как торговцам, а просто нравится ради самой лжи. Но я не могу не сказать: эта самая истина есть обнаженный и открытый дневной свет, при котором маски, представления и торжества мира выглядят в половину менее величественными и утонченными, чем при свете свечей. Возможно, истина и может по своей ценности приблизиться к жемчугу, который лучше всего выглядит днем, но она никогда не поднимется до ценности алмаза или карбункула, которые смотрятся при самом разном освещении. Действительно, примесь лжи всегда увеличивает наслаждение. Разве кто-либо усомнится в том, что если бы умы людей были освобождены от суетных мнений, лестных надежд, ложных оценок, свободной игры воображения и тому подобного, то они у многих людей сжались бы и обеднели, исполнились бы меланхолии и отвращения и стали бы неприятны им же самим. Один из отцов в великой суровости назвал поэзию «*vinum daemonum*», поскольку она насыщает воображение, и все же она является лишь тенью лжи. Но вред приносит не та ложь, которая проходит, не задерживаясь, сквозь ум, а та, которая пускает корни и укрепляется в нем, т. е. такая ложь, о которой мы говорили ранее.

Но как бы ни представлялись все эти вещи в извращенных суждениях и чувствах людей, все же истина, которая действительно только сама может будить о себе, учит, что поиски истины, т. е. любовь к ней и уход за нею,

знание истины, т. е. ее присутствие, и вера в истину, т. е. наслаждение ею, составляют высшее благо человеческой природы. Первым созданием бога, в трудах дней его, был свет видимый, последним – свет разума; и его субботний труд с того времени всегда есть свет его духа. Сначала он вдохнул свет в лицо материи, или хаоса; затем – свет в лицо человека, и с тех пор он постоянно вдохновляет и вызывает свет в лицах избранных своих. Ведь прекрасно сказал тот поэт, который украсил секту, в других отношениях уступавшую остальным: «Приятно стоять на берегу и видеть корабли, борющиеся с волнами; приятно стоять у окна замка и наблюдать внизу битву со всеми ее превратностями; но ни с чем не сравнимо то наслаждение, когда стоишь на прочном основании истины (вершина, которую ничто не может превзойти и где воздух всегда свеж и чист) и наблюдаешь ошибки, и блуждания, и туманы, и бури внизу в долине» 2. Это правильно, но всегда это зрелище должно наблюдать с жалостью, а не с напыщенностью или гордостью. Разумеется, добиться того, чтобы ум человека действовал в милосердии, покоился на провидении и опирался на столпы истины, значит достичь рая на земле.

Если перейти от теологической и философской истины к мирской, то даже те, кто сам не придерживается этого правила, признают, что честность и прямота в делах составляют честь человеческой природы и что добавление лжи подобно примеси в золотой или серебряной монете; это, быть может, и улучшает обработку металла, но портит его чистоту. Ибо эти извилистые и кривые пути суть действия змия, который бесчестно передвигается на брюхе, а не на ногах. Нет другого порока, который бы так покрывал человека позором, как если его найдут лживым и вероломным; и поэтому очень хорошо сказал Монтень,

когда он исследовал причину того, почему лживое слово является таким бесчестьем и таким позорным обвинением: «Если хорошенько взвесить, то сказать, что человек лжет, это значит сказать, что он смел перед богом и труслив перед людьми» 3. Ибо ложь открыта богу и ускользает от человека. Безусловно, вся преступность лжи и вероломства ни в чем не может быть выражена более полно, как в том, что она будет последним трубным гласом, который призовет род человеческий на суд божий, ибо предсказано, что, когда придет Христос, он не найдет веры на земле фамилией».

Вопросы.

1. Что такое истина?
2. Что такое убеждения и предрассудки?
3. Что можно считать истинным?

Джон Локк (англ. *John Locke*; 29 августа 1632, Рингтон, Сомерсет, Англия – 28 октября 1704, Эссекс, Англия) – английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма.

Локк Дж. Рассуждение о чудесах.

«Рассуждать о чудесах, не определив сначала, что следует понимать под словом «чудо», – значит создавать лишь видимость рассуждения, а на самом деле говорить впустую. Чудо, как я его понимаю, есть воспринимаемое органами чувств действие, которое очевидец, в силу того что оно выше его понимания и противоречит, по его мнению, естественному ходу вещей, принимает за божественное деяние.

Тот, кто присутствует при этом событии, есть очевидец; тот, кто верит в свершение этого события в прошлом, как бы ставит себя на место очевидца. Вероятно, против этого определения можно выдвинуть следующие два возражения: 1. Во-первых, оказывается весьма неопределенным, что же

есть чудо; ибо, раз оно зависит от мнения того, кто его наблюдает, для одного будет чудом то, что для другого не будет таковым. 2. Второе возражение против данного определения будет состоять в том, что расширенное таким образом понятие о чуде может иногда включать действия, которые не имеют в себе ничего необычного или сверхъестественного и тем самым делают тщетным использование чудес для подтверждения божественного откровения. На это я отвечаю: вовсе нет, если правильно понимать то доказательство, которое получает божественное откровение от чудес».

Вопросы.

1. Что такое чудеса? Как можно их объяснить с точки зрения научного познания и логики?
2. Почему люди верят без доказательств?
3. Можно ли доверять органам чувств?

И. Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

И. Кант Основы метафизики нравственности

«Теперь я утверждаю: человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться также как цель. Все предметы склонности имеют лишь обусловленную ценность, так как если бы не было склонностей и основанных на них потребностей, то и предмет их не имел бы никакой ценности. Сами же склонности как источники потребностей имеют столь мало абсолютной ценности, ради которой следовало бы желать их самих, что общее желание, какое должно иметь каждое разумное существо,- это быть

совершенно свободным от них. Таким образом, ценность всех приобретаемых благодаря нашим поступкам предметов всегда обусловлена. Предметы (die Wesen), существование которых хотя зависит не от нашей воли, а от природы, имеют тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средства и называются поэтому вещами, тогда как разумные существа называются лицами, так как их природа уже выделяет их как цели сами по себе, т. е. как нечто, что не следует применять только как средство, стало быть, постольку ограничивает всякий произвол (и составляет предмет уважения). Они, значит, не только субъективные цели, существование которых как результат нашего поступка имеет ценность для нас; они объективные цели, т. е. предметы, существование которых само по себе есть цель, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью, для которой они должны были бы служить только средством; без этого вообще нельзя было бы найти ничего, что обладало бы абсолютной ценностью; но если бы всякая ценность была обусловлена, стало быть случайна, то для разума вообще не могло бы быть никакого высшего практического принципа.

Таким образом, если должен существовать высший практический принцип и по отношению к человеческой воле – категорический императив, то этот принцип должен быть таким, который исходя из представления о том, что для каждого необходимо есть цель, так как оно есть цель сама по себе, составляет объективный принцип воли, стало быть, может служить всеобщим практическим законом. Основание этого принципа таково: разумное естество существует как цель сама по себе. Так человек необходимо

представляет себе свое собственное существование; постольку, следовательно, это субъективный принцип человеческих поступков. Но так представляет себе свое существование и всякое другое разумное существо ввиду того же самого основания разума, которое имеет силу и для меня; следовательно, это есть также объективный принцип, из которого как из высшего практического основания непременно можно вывести все законы воли. Практическим императивом, таким образом, будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству. Посмотрим, может ли это быть выполнено».

Вопросы.

1. Человек – это цель или средство?
2. Необходимо ли относиться к другим людям так, как вы бы хотели, чтобы они относились к вам?
3. Какие принципы морали вы хотели бы изменить?

Тема 5. Философия 19-21 века

Современная европейская философия (философия современности европейской культурной традиции) – философия XX-XXI веков.

Экзистенциализм (фр. existentialisme от лат. existentia – существование), также философия существования – особое направление в философии XX века, акцентирующее своё внимание на уникальности бытия человека, провозглашающее его иррациональным.

Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (21 июня 1905, Париж – 15 апреля 1980, там же) – французский философ, представитель атеистического экзистенциализма.

Жан-Поль Шарль Эмар Сартр «Тошнота».

«Да они всю жизнь прозябали в отупелом полусне, от нетерпения женились с бухты-барахты, наудачу мастерили детей. В кафе, на свадьбах, на похоронах встречались с другими людьми. Время от времени, попав в какой-нибудь водоворот, барахтались и отбивались, не понимая, что с ними происходит. Всё, что совершалось вокруг, начиналось и кончалось вне поля их зрения: смутные продолговатые формы, события, нагрянувшие издали, мимоходом задели их, а когда они хотели разглядеть, что же это такое, – всё уже было кончено. И вот к сорока годам они нарекают опытом свои мелкие пристрастия и небольшой набор пословиц и начинают действовать, как торговые автоматы: сунешь монетку в левую щёлку – вот тебе два-три примера из жизни в упаковке из серебряной фольги, сунешь монетку в правую щёлку – получай ценные советы, вязнущие в зубах, как ириски... к сорока годам их распирает опыт, который они не могут сбить на сторону. По счастью, они наплодили детей, их-то они и заставляют потреблять этот опыт, не сходя с места. Они хотели бы внушить нам, что их прошлое не пропало даром, что их воспоминания потихоньку сгустились, обратившись в Мудрость... Чтобы самое тривиальное событие стало приключением, всё, что вы должны сделать, – это начать рассказывать о нём... Но вы должны выбирать: жить или рассказывать... Когда вы живёте, ничего не происходит»... «Я в тоске огляделся вокруг: настоящее, ничего, кроме сиюминутного настоящего... Мне приоткрывалась истинная природа настоящего: оно – это то, что существует, а то, чего в настоящем нет, не существует. Прошлое не существует. Его нет. Совсем. Ни в вещах, ни даже в моих мыслях. Конечно, то, что я утратил своё прошлое, я понял давно. Но до сих пор я полагал, что оно просто оказалось вне поля моего

зрения... Но теперь я знал: всё на свете является только тем, чем оно кажется, а ЗА НИМ... ничего».

Вопросы

1. Объясните понятие «жизнь в отупелом полусне». Почему не может быть полноценной жизнь, лишенная осознания?
2. Что такое обыденность?
3. Как наполнить жизнь смыслом?

Жан-Поль Шарль Эмар Сартр «Экзистенциализм-это гуманизм».

«Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает "существование предшествует сущности"? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека

достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование».

Вопросы.

1. Всегда ли религия служит мерилom гуманистических ценностей?
2. Как это «человек должен создать себя сам»?
3. Как можно создавать свое будущее?

Герменевтика направление в философии XX века, выросшее на основе теории интерпретации различных текстов.

Поль Рикёр (1913–2005) – французский философ, один из ведущих специалистов в области герменевтики.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике.

«Есть короткий путь, с которого я начну, и путь длинный, который я попытаюсь пройти до конца. Короткий путь - это путь онтологии понимания, аналогичный пути, избранному Хайдеггером. Такую онтологию понимания я называю «коротким путем» потому, что она, отказываясь от рассуждений о методе, сразу переносит себя в план онтологии конечного сущего, чтобы обнаружить здесь понимание уже не как способ познания, а как способ бытия. В эту онтологию понимания не погружаются постепенно, шаг за шагом углубляя методологические возможности истолкования, истории или психоанализа, - туда переносятся внезапно, резко меняя проблематику. Вопрос: при каком условии познающий субъект может понять тот или иной текст или историю? - заменяется вопросом: что это за существо, бытие которого заключается в понимании? Таким образом, герменевтическая проблематика становится областью Аналитики того бытия, Dasein, которое существует, понимая.

Итак, в языке и только в языке выражается всякое понимание – оптическое или онтологическое. Поэтому не будет напрасным искать именно в семантике ось соотнесения для всей совокупности герменевтического поля. Экзегеза уже приучила нас к мысли о том, что один и тот же текст имеет несколько смыслов, что смыслы эти наслаиваются друг на друга, что духовный смысл может быть «передан» (*translata signa* у св. Августина) историческим или буквальным смыслом путем их приращения; Шлейермахер и Дильтей в равной мере научили нас рассматривать литературные тексты, документальные свидетельства и памятники как письменно зафиксированные выражения жизни; истолкование проделывает путь, обратный этой объективации жизненных сил в психических, а затем и в исторических связях; эта

объективация и эта фиксация образуют другую форму передачи смысла. Ницше, со своей стороны, трактует ценности как выражения силы или слабости воли к власти, которые подлежат интерпретации; более того, у него как раз сама жизнь и является интерпретацией; таким образом, философия становится интерпретацией интерпретаций. Наконец, Фрейд рассмотрел под видом «работы сновидения» цепь поступков, которые знаменательны тем, что «транспонируют» (Entstellung) скрытый смысл, подвергают его искажению, которое одновременно и выявляет и прячет скрытый смысл в смысле явном; он проследил разнообразные проявления этого искажения в культуре, искусстве, морали, религии и тем самым предложил истолкование культуры, весьма сходное с ницшеанским. Не лишено смысла, если мы попытаемся очертить то, что можно было бы назвать семантическим ядром всякой герменевтики, будь она общей или частной, фундаментальной или специальной. Представляется, что общий элемент, присутствующий всюду - от экзегезы до психоанализа, - это определенная конструкция смысла, которую можно было бы назвать двужанной или многозначной; ее роль всякий раз (хотя и несходным образом) состоит в том, чтобы показывать, скрывая. И я полагаю, что этот анализ языка сосредоточивается на семантике показанного-скрытого, на семантике многозначных выражений.

Исследовав ранее вполне определенный сектор этой семантики, а именно язык признания, который конституирует символику зла, я предлагаю эти многозначные выражения называть символизмом. Тем самым я придаю слову «символ» более узкий смысл, чем те авторы, которые, как Кассирер, называют символическим всякое постижение реальности с помощью знаков - от

восприятия, мифа, искусства до науки, но вместе с тем и смысл более широкий, чем те, которые, исходя из латинской риторики или неоплатонической традиции, сводят символ к аналогии. Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл - прямой, первичный, буквальный – означает одновременно и другой смысл - косвенный, вторичный, иносказательный, - который может быть понят лишь через первый. Этот круг выражений с двойным смыслом и образует собственно герменевтическое поле.

В связи с этим понятие интерпретации получает вполне определенное значение; я предлагаю придать ему такое же широкое толкование, что и символу; интерпретация, скажем мы, это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении; я сохраняю, таким образом, начальную ссылку на экзегезу, то есть на интерпретацию скрытых смыслов. Так символ и интерпретация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов.

Это двойное ограничение семантического поля – со стороны символа и со стороны интерпретации – порождает несколько задач, кратким описанием которых я и ограничусь.

Вопросы.

1. Что такое интерпретация?
2. Как понять «скрытое»?
3. Что необходимо для лучшего понимания текстов?

Психоанализ (нем. Psychoanalyse) – психологическая концепция, разработанная в конце XIX – начале XX века австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом, а также

чрезвычайно влиятельный метод лечения психических расстройств.

Зигмунд Фрейд (1856–1939) – наиболее известен как основатель психоанализа, который оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века.

3. Фрейд Толкование сновидений. Сновидение – осуществление желания.

«Миновав тесное ущелье и выйдя неожиданно на возвышенность, откуда дорога расходится во все стороны и открывает превосходнейший вид, можно остановиться на минуту и подумать, куда лучше направить шаги. На том же распутье стоим мы после первого толкования сновидения. Нас поражает ясность неожиданной истины. Сновидение не похоже на неправильную игру музыкального инструмента, которого коснулась не рука музыканта, а какая-то внешняя сила; оно не бессмысленно, не абсурдно, оно не предполагает, что часть нашей души спит, а другая начинает пробуждаться. Сновидение полноценное психическое явление. Оно осуществление желания. Оно может быть включено в общую цепь понятных нам душевных явлений бодрственной жизни. Оно было построено с помощью чрезвычайно сложной интеллектуальной деятельности. Но, познав эту истину, мы в тот же момент останавливаемся перед целым рядом вопросов. Если сновидение, согласно его толкованию, представляет собою осуществление желания, то откуда же проистекает та странная и причудливая форма, в которую облекается последнее? Какие изменения претерпевают мысли, преобразовываясь в сновидение, о котором мы вспоминаем по пробуждении? Откуда проистекает тот материал, который перерабатывается в сновидении? Откуда проистекают те особенности мыслей, которые мы отметили,

как например, то, что они противоречат друг другу? Может ли сновидение научить нас чему-либо новому относительно наших внутренних психических переживаний, может ли содержание его внести какие-либо поправки в наши убеждения, воззрения? Я считаю нужным оставить пока все эти вопросы в стороне и пойти по другому пути. Мы видели, что сновидение изображает желание в его осуществленной форме. В наших ближайших интересах узнать, является ли это общей характерной чертой всех сновидений или же случайным содержанием лишь одного, с которого начался наш анализ. Ибо, даже если бы мы поверили в то, что каждое сновидение имеет свой смысл и свою психическую ценность, мы должны были бы предполагать, что этот смысл не во всяком сновидении одинаков. Наше первое сновидение было осуществлением желания, другое представляет, быть может осуществление опасения, третье может иметь своим содержанием рефлекс, четвертое может воспроизвести попросту какое-нибудь воспоминание и т.п. Бывают ли, таким образом, сновидения, не содержащие в себе осуществления желания?

Легко показать, что сновидения зачастую носят настолько ясный характер осуществления желания, что приходится удивляться, почему язык сновидения до сих пор казался таким непонятным. Вот, например, сновидение, которое я могу вызвать у себя, когда угодно. Если я вечером ем сардельки или другие какие-либо соленые кушанья, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Перед пробуждением, однако, я вижу сновидение постоянно с одним и тем же содержанием: мне снится, что я пью. Я пью залпом воду; мне это доставляет большое удовольствие, как всякому, кто томится жаждой. Затем я просыпаюсь и действительно очень хочу пить. Поводом к такому постоянному сновидению служит жажда, которую я

испытываю при пробуждении. Из этого ощущения проистекает желание пить, и сновидение представляет это желание в осуществленном виде. Сновидение исполняет при этом функцию, о которой я скажу несколько ниже. Сон у меня хороший; когда мне удастся утолить свою жажду тем, что мне снится, будто я выпил воды, то я так и не просыпаюсь. Таким образом, это – сновидение об удобстве. Сновидение заступает место поступка, который должен был бы быть совершен в жизни».

Вопросы

1. Как сновидение может стать ключом к неосознаваемым процессам психики?
2. Какова роль бессознательного?
3. Действительно ли сновидение – реализация скрытого желания?

Джордж Келли (1905–1967) – американский психолог, автор личностных конструктов – авторская концепция психики человека.

Джордж Келли «Теория личности (теория личных конструктов).

«Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако без таких шаблонов и предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии завлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности полезнее их полного отсутствия. Будем называть эти шаблоны, примеряемые опытным путем к истинному положению вещей, *конструктами*. Конструкты суть способы истолкования мира. Это они дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию

поведения – будь, она точно формулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной, согласующейся или расходящейся с другими линиями поведения, разумно аргументированной или почувствованной интуитивно. Обычно люди стремятся совершенствовать свои конструкты, расширяя их набор, внося в них изменения для обеспечения лучшей пригонки и включая их в качестве видовых объектов в суперординатные конструкты или системы. Пытаясь усовершенствовать конструкты, человек неоднократно останавливается под влиянием мысли о вреде, который явно будет причинен системе вследствие изменения субординатного конструкта. Часто его личный вклад в более широкую систему или его личная зависимость от нее настолько велики, что не будет всячески воздерживаться от введения более точного конструкта в) основание. Может потребоваться специальное психотерапевтическое воздействие или более богатый жизненный опыт, чтобы убедить человека вносить поправки в свою систему истолкования вплоть до того момента, когда можно будет включить в ее состав новый и более точный конструкт.

Те системы истолкования, которые могут передаваться от одного человека к другому, способны получить широкое распространение среди населения. Вторая половина столетия показала значительный стресс в создании способов делать личные конструкты и системы лучше поддающимися передаче. Мы разработали научный психологический словарь. Выражаясь иначе, наши публичные системы истолкования, служащие для понимания личных конструктов других ей, становятся все более точными и исчерпывающими.

Некоторые широко разделяемые или публичные системы истолкования конструируются, главным образом,

для того, чтобы приспособливаться к определенным сферам деятельности или областям фактов. Когда мы ограничиваем область фактов, можно развивать детальную систему, не беспокоясь о возможной несовместимости с каких-то второстепенных фактов. Мы ограничиваем *область* и пытаемся, хотя бы на некоторое время, игнорировать непримиримые факты за пределами заданной *области*. Например, давно стало привычным и удобным различать 'психические» и 'физические' факты. Они представляют собой две искусственно разграниченные области, к которым приспособляются два типа систем истолкования: психологическая система и естественнонаучная группа систем. Однако становится все очевиднее, что мы располагаем двумя альтернативными системами истолкования, каждую из которых можно с пользой применить к беспрестанно возрастающему корпусу одних и тех же фактов. Данные области частично совпадают.

Вопросы

1. Почему люди часто не принимают многие очевидные факты?
2. Почему люди могут не слышать аргументированные доводы и не принимать обоснования тех утверждений, которые противоречат их устоявшимся ценностям?
3. Как теорию личностных конструкторов можно использовать в политической идеологии?

Скотт Лилиенфельд (род. 1960 г.) – психолог, философ науки, исследователь псевдонауки.

Скотт Лилиенфельд, Стивен Линн Джон Руссио Барри Бейерстайн 50 великих мифов популярной психологии
«И, тем не менее, большая часть наших сведений о психологии не соответствует действительности. Потому что многие книги и статьи, которые нам предлагают, изобилуют мифами и неправильными представлениями. В

сегодняшнем быстро изменяющемся мире, перегруженном информацией, неверные сведения о психологии распространяются так же широко, как и верные. К сожалению, существует очень мало книг, которые бы помогли нам отделить правду от вымысла, когда речь заходит о популярной психологии.

В результате мы часто оказываемся во власти гуру самосовершенствования, ведущих ток-шоу, самозванных экспертов по душевному здоровью, многие из которых раздают психологические советы, представляющие собой сбивающую с толку смесь правды, полуправды и откровенной неправды. Без надежного руководства, помогающего отделить психологические мифы от реальности, мы рискуем заблудиться в джунглях неправильных представлений.

Многие из великих мифов популярной психологии не только вводят в заблуждение по поводу человеческой природы, но и могут заставить принять неблагоприятные решения в повседневной жизни. Те из нас, кто ошибочно полагает, будто люди обычно подавляют воспоминания о каких-то болезненных событиях (см. миф № 13), могут потратить большую часть своей жизни на бесплодные попытки заглушить воспоминания о неприятных событиях детства. Те, кто полагает, что счастье определяется главным образом нашими внешними обстоятельствами (см. миф № 24), могут сосредоточиться исключительно на внешнем, а не на самих себе, пытаясь найти идеальную «формулу» долгосрочного удовлетворения. Те, кто ошибочно верит, что в романтических отношениях противоположности притягиваются (см. миф № 27), могут потратить годы на поиск партнера, характер и жизненные ценности которого резко отличаются от их собственных, а потом уже слишком

поздно обнаружить, что такие «союзы» редко удаются. Так что мифы имеют значение.

Как отмечал пропагандист науки Дэвид Хаммер, неправильные представления в науке обладают четырьмя главными свойствами. Они, во-первых, устойчивы, и часто представляют собой твердые убеждения о мире, во-вторых, противоречат известным свидетельствам, в-третьих, влияют на понимание мира людьми и, в-четвертых, должны быть исправлены, чтобы можно было получить правильное знание (Stover & Saunders, 2000). В нашем случае последний пункт особенно важен. Разрушение мифов должно быть существенным компонентом психологического образования, потому что глубоко укоренившаяся вера в неправильные представления о психологии может помешать студентам понять человеческую природу.

Существуют многочисленные определения слова «миф», но нашим целям лучше всего удовлетворяет данное в Словаре американского наследия: «Популярное [но ложное] убеждение или история, которые стали ассоциироваться с каким-то человеком, учреждением, или событием» или «вымысел или полуправда, особенно являющиеся частью идеологии». Большинство мифов, которые мы представляем в этой книге, являются широко распространенными убеждениями, которые явно противоречат данным психологических исследований. Некоторые из них – это преувеличения или искажения высказываний, содержащих зерно истины».

Вопросы

1. Почему люди часто становятся жертвами шарлатанов и мошенников?
2. Почему люди имеют убеждения, противоречащие научным данным?

3. Почему ложные убеждения распространяются быстрее научных утверждений?

Философия жизни – иррационалистическое течение в европейской философии, получившее преимущественное развитие в Германии в конце XIX – начале XX века.

Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900) – немецкий мыслитель, классический филолог, композитор, поэт, создатель самобытного философского учения.

Ф. Ницше Антихрист. Проклятие христианству.

«Христианство называют религией *сострадания*. Сострадание противоположно тоническим аффектам, повышающим энергию жизненного чувства; оно действует угнетающим образом. Через сострадание теряется сила. Состраданием ещё увеличивается и усложняется убыль в силе, наносимая жизни страданием. Само страдание делается заразительным через сострадание; при известных обстоятельствах путём сострадания достигается такая величина ущерба жизни и жизненной энергии, которая находится в нелепо преувеличенном отношении к величине причины (случай смерти Назореянина). Вот первая точка зрения, но есть ещё и более важная. Если измерять сострадание ценностью реакций, которые оно обыкновенно вызывает, то опасность его для жизни ещё яснее. Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встаёт на защиту в пользу обездоленных и осуждённых жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение. Осмелились назвать сострадание добродетелью (в каждой *благородной* морали оно считается слабостью); пошли ещё дальше: сделали из него добродетель по преимуществу, почву и источник всех добродетелей, конечно, лишь с точки зрения

нигилистической философии, которая пишет на своём щите *отрицание жизни*, - и это надо всегда иметь в виду. Шопенгауэр был прав: сострадание отрицает жизнь, оно делает её более *достойной отрицания*, - сострадание есть *практика* нигилизма. Повторяю: этот угнетающий и заразительный инстинкт уничтожает те инстинкты, которые исходят из поддержания и повышения ценности жизни: *умножая бедствие и охраняя всё бедствующее*, оно является главным орудием *decadence* – сострадание увлекает в *ничто!*»

Вопросы.

1. Какую альтернативу можно дать просящим милостыню?
2. Почему со-страдаю, мы страдаем вместе. Дает ли нам это чувство уверенности и возможность что-то изменить?
3. Почему христианство – это религия обездоленных?

Фридрих Ницше Человеческое, слишком человеческое

«Ты должен был стать господином над собой, господином и над собственными добродетелями. Прежде они были твоими господами; но они могут быть только твоими орудиями наряду с другими орудиями. Ты должен был приобрести власть над своими «за» и «против» и научиться выдвигать и снова прятать их, смотря по твоей высшей цели. Ты должен был научиться понимать начало перспективы во всякой оценке – отклонение, искажение и кажущуюся телеологию горизонтов и все, что относится к перспективе, и даже частицу глупости в отношении к противоположным ценностям, и весь интеллектуальный ущерб, которым приходится расплачиваться за каждое «за» и каждое «против». Ты должен был научиться понимать необходимую несправедливость в каждом «за» и «против», несправедливость, неотрешимую от жизни, обусловленность самой жизни началом перспективы и его

несправедливостью. Ты должен был прежде всего воочию видеть, где несправедливости больше всего: именно там, где жизнь развита меньше, мельче, беднее всего, где она всего более первобытна и все же вынуждена считать себя целью и мерой вещей и в угоду своему сохранению исподтишка, мелочно и неустанно подрывать и расшатывать все высшее, более великое и богатое, – ты должен был воочию увидеть проблему иерархии и как сила, и право, и широта перспективы одновременно растут вверх. Ты должен был...» – довольно, свободный ум знает отныне, какому «ты должен» он повиновался, и знает также, на что он теперь способен и что ему теперь – позволено... Подобно тому как сами наши искусства становятся все более интеллектуальными и наши чувства – все более духовными, как, например, мы теперь совсем иначе судим о чувственном благозвучии, чем сто лет тому назад, – так и формы нашей жизни становятся все более духовными, для взора прежних эпох, быть может, более безобразными, но лишь потому, что он не способен видеть, как постепенно все углубляется и расширяется царство внутренней, духовной красоты и как для нас всех теперь одухотворенный взор может иметь большее значение, чем прекраснейшее строение тела и самое возвышенное архитектурное произведение. Моральный же человек предполагает, что всё, что дорого его сердцу, должно быть также существом и сердцем вещей. Частная и мировая мораль. С тех пор как утрачена вера, что Бог руководит судьбами мира в целом и, несмотря на все кажущиеся отклонения в пути человечества, все же превосходно ведет его, – люди должны сами ставить себе вселенские, объемлющие всю землю, цели. Преведняя мораль, в особенности мораль Канта, требует от отдельного человека действий, которых можно желать от всех людей; это было

прекрасное наивное мнение: как будто кто-либо без дальнейших размышлений знает, при каком поведении человечество, как целое, преуспевает, т. е. какие действия вообще желательны; эта теория, подобно учению о свободе торговли, предполагает, что всеобщая гармония должна возникнуть сама собою по врожденным законам развития. Быть может, будущий обзор потребностей человечества признает отнюдь не желательным, чтобы все люди поступали одинаково; напротив, в интересах вселенской цели придется для отдельных этапов человечества поставить специальные задачи, при случае, быть может, даже дурные задачи. Во всяком случае, если человечество не хочет погубить себя таким планомерным всеобщим управлением, то должно быть найдено в неизвестном доселе размере знание условий культуры как научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века. Реакция как прогресс. Иногда появляются резкие, могущественные и захватывающие, но тем не менее отсталые умы, которые еще раз воскрешают пройденную фазу человечества; они служат доказательством, что новые направления, которым они противодействуют, еще недостаточно сильны, что в них чего-то не хватает: иначе последние сумели бы лучше отразить этих заклинателей прошлого».

Вопросы

1. Как сконцентрироваться на внутренней духовной красоте?
2. Почему увлечение прошлым, поклонение ушедшему вызывает застой?
3. Что такое свободный ум?

Анри Бергсон (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма, иррационализма.

А. Бергсон Смех.

«Наш смех — это всегда смех той или иной группы. Вам, вероятно, случилось, сидя в вагоне или за общим столом, слушать, как путешественники рассказывают друг другу истории для них комичные, так как они смеются от всей души. Вы смеялись бы, как и они, если бы принадлежали к их компании. Но, не принадлежа к ней, вы не имели никакого желания смеяться. Один человек, которого спросили, почему он не плакал, слушая проповедь, на которой все проливали слезы, ответил: «Я не этого прихода». Взгляд этого человека на слезы еще более применим к смеху. Как бы ни был смех искренен, он всегда таит в себе мысль о соглашении, я сказал бы даже — почти о заговоре с другими смеющимися лицами, действительными или воображаемыми. Сколько раз отмечалось, что смех среди зрителей в театре раздается тем громче, чем полнее зал. Сколько раз наблюдалось, с другой стороны, что многие комические вещи совершенно непереводимы с одного языка на другой, потому что они тесно связаны с нравами и представлениями данного общества. И именно вследствие непонимания важности этого двойственного факта многие видели в комическом простую забаву человеческого ума, а в самом смехе — явление странное, стоящее особняком, ничем не связанное с человеческой деятельностью. Отсюда — те определения, в которых комическое превращается в какое-то абстрактное отношение между мыслями, подмечаемое умом, в «умственный контраст», в «ощущаемый абсурд» и т. п.; эти определения, если бы даже они действительно соответствовали всем формам комического, никак не могли бы объяснить, почему комическое заставляет нас смеяться. В самом деле, с чего бы вдруг это особое логическое отношение, лишь только оно нами подмечено, заставляет нас меняться, встряхиваться, веселиться, в то время как все

другие оставляют нас в покое? Но не с этой стороны мы подойдем к проблеме. Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его естественную среду, каковой является общество; в особенности же необходимо установить полезную функцию смеха, каковая является функцией общественной. Такова будет — и скажем это сразу же — руководящая идея всех наших исследований. Смех должен отвечать известным требованиям совместной жизни людей. Смех должен иметь общественное значение.

Отметим теперь ту точку, в которой сходятся наши три предварительные замечания. Комическое возникает, по-видимому, тогда, когда соединенные в группу люди направляют все свое внимание на одного, из своей среды, заглушая в себе чувствительность и давая волю одному только разуму. Каков же этот особый штрих, на который должно направиться их внимание? Какое применение найдет здесь ум? Ответить на эти вопросы — значит приблизиться к нашей задаче. Но здесь необходимо привести несколько примеров.

Человек, бегущий по улице, спотыкается и падает; прохожие смеются. Над ним, мне думается, не смеялись бы, если бы можно было предположить, что ему вдруг пришло в голову сесть на землю. Смеются над тем, что он сел нечаянно. Следовательно, не внезапная перемена его положения вызывает смех, а то, что есть в этой перемене непроизвольного, то есть неловкость. Может быть, на дороге лежал камень. Надо было бы изменить путь и обойти препятствие. Но из-за недостатка гибкости, по рассеянности или неповоротливости, благодаря инерции или приобретенной скорости мышцы продолжали совершать то же движение, когда обстоятельства требовали чего-то другого. Вот почему человек упал, и именно над этим смеются прохожие. Или вот человек, занимающийся своими

повседневными делами с математической точностью. Но какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Он окунает перо в чернильницу и вынимает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и оказывается на полу – словом, все у него выходит шиворот-навыворот или он действует впустую, и все это благодаря инерции. Привычка на все наложила свой отпечаток. Надо бы приостановить движение или изменить его. Но не тут-то было – движение машинально продолжается по прямой линии. Жертва шутки в рабочем кабинете оказывается в положении, сходном с положением человека, который бежал и упал. Причина комизма здесь одна и та же. И в том и в другом случае смешным является машинальная косность там, где хотелось бы видеть предупредительную ловкость и живую гибкость человека. Между этими двумя случаями только та разница, что первый произошел сам по себе, второй же создан умышленно. Прохожий, в первом случае, просто следовал своим путем, шутник, во втором случае, подвергнулся испытанию. Как бы то ни было, эффект в обоих случаях определяется внешним обстоятельством. Комическое, стало быть, случайно: оно остается, так сказать, на поверхности человека. А как же оно проникает внутрь? Для этого необходимо, чтобы машинальная косность не нуждалась для своего проявления в препятствии, поставленном перед ней случайными обстоятельствами или человеческой хитростью. Необходимо, чтобы она естественным образом находила внутри себя беспрестанно возобновляющиеся поводы проявлять себя вовне. Представим себе человека, который думает всегда о том, что он уже сделал, и никогда о том, что делает, – человека, напоминающего мелодию, отстающую от своего аккомпанемента. Представим себе человека, ум и чувства которого от рождения лишены гибкости, так что он

продолжает видеть то, чего уже нет, слышать то, что уже не звучит, говорить то, что уже не к месту, – словом, применяться к положению, уже не существующему и воображаемому, когда надо было бы применяться к наличной действительности. Комическое тогда будет в самой личности: она сама предоставит ему все необходимое – содержание и форму, основание и повод. Удивительно ли, что рассеянный человек (а именно таков только что нами описанный персонаж) главным образом и вдохновлял художников-юмористов? Когда Ла Брюер набрел на этот тип, он понял, разобравшись в нем, что нашел общий рецепт для создания забавных сюжетов. Он этим злоупотреблял. Он дает длиннейшее и подробнейшее описание Меналка, повторяясь и смакуя его сверх всякой меры. Его притягивала легкость сюжета. Может быть, рассеянность и не является источником комического, но она несомненно связана с фактами и идеями, непосредственно вытекающими из этого источника. Это одно из обширных естественных русел смеха. Но эффект рассеянности может, в свою очередь, усиливаться. Существует общий закон, первое применение которого мы только что нашли и который можно сформулировать так: когда известный комический эффект происходит от известной причины, то эффект нам кажется тем более смешным, чем естественнее кажется причина. Мы смеемся уже над рассеянностью как над простым фактом. Еще более смешной будет для нас рассеянность, если она возникает и усиливается на наших глазах, если ее происхождение нам известно и мы можем проследить весь ход ее развития».

Вопросы

1. Почему мы смеемся?
2. Над чем мы смеемся?
3. В чем успех видеороликов о забавных животных?

Философия экономики – занимается исследованием философских оснований экономики.

Дарон Аджемоглу (род. 1967 г.) – американский экономист, относится к числу самых цитируемых экономистов мира. Изучает экономические и философско-социальные аспекты экономического роста.

Джеймс А. Робинсон (род. 1960 г.) – британский экономист и политолог, занимается сравнительным экономическим, политическим анализом и политическим развитием.

Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты.

«Хотя от экономических институтов зависит, будет страна бедной или богатой, именно политика и политические институты определяют выбор этих экономических институтов. В конечном счете хорошие экономические институты в США стали следствием работы политических институтов, которые складывались постепенно, начиная с 1619 года. Наша теория неравенства покажет, как политические и экономические институты взаимодействуют и порождают богатство и бедность и как различные части мира обретают е или иные институты. Различные сочетания институтов, существующие сегодня в разных странах, глубоко укоренены в истории, поскольку после того как общество было организовано определенным образом, эти институты меняются редко и медленно. Эта институциональная устойчивость и силы, стоящие за ней, помогают объяснить и то, почему неравенством так трудно бороться. Хотя именно институты отвечают за разницу между Мексикой и Соединенными Штатами, это совершенно не означает, что в Мексике сложился консенсус о том, что институты нужно изменить. Сильные мира сего и

остальные граждане часто расходятся во мнениях о том, какие институты нужно сохранить, а какие следует поменять...Большинство экономистов и советников при правительствах всегда сосредоточены на том, как сделать «все правильно», однако, что действительно нужно –так о понять, почему бедные страны делают «все неправильно». Нужно понять, как на самом деле принимаются решения, кто получает право их принимать и почему эти люди принимают именно такие решения, какие принимают. Традиционно экономисты игнорировали политику, но именно понимание того, как работает политическая система, является ключом к тому, чтобы объяснить мировое экономическое неравенство. Мы утверждаем, что путь к процветанию лежит через решение базовых политических проблем. Именно потому, что экономика исходила из того, что политические проблемы уже решены, она не смогла найти убедительного объяснения мировому неравенству. Экономическая катастрофа в Северной Корее, которая погрузила миллионы людей в пучину голода, особенно поразительна именно при сравнении с ситуацией в Южной Корее: ни культура, ни география, ни разница в образовании не могут объяснить нисходящиеся все дальше траектории развития двух Корей. Мы должны изучить институты тех стран, чтобы найти ключ. Экономические институты, подобные тем, что существуют в США или Южной Корее, мы назовем инклюзивными(от англ. inclusive – «включающие в себя», «объединяющие»).Они стимулируют участие больших групп населения в экономической активности. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на

рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан. Мы называем институты противоположные инклюзивным, – экстрактивными, то есть направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части (от англ. to extract – «извлекать», «выжимать»). Инклюзивные экономические институты готовят почву для успешной работы двух важнейших двигателей экономического роста и процветания: технологических инноваций и образования. Политические институты – это совокупность правил, которые формируют систему стимулов для различных политических игроков. Политические институты определяют, у кого в обществе есть власть и как этот кто-то может ее использовать. Абсолютистские политические институты, такие как в Северной Корее или колониальной Латинской Америке, помогают тем, кто обладает властью, подстроить экономические институты под себя, то есть приспособить их для общественного обогащения. Политические институты, которые распределяют власть между разными силами и группами в обществе и при этом ограничивают все эти группы в применении этой власти, порождают плюралистические политические системы».

Вопросы

1. Почему Южная и Северная Корея имеют разный, кардинально различающийся уровень жизни?
2. Почему беженцы из бедных, неблагополучных стран бегут, в основном, в Америку и Европу, а не в Россию?
3. Почему страны социалистического лагеря делали все, чтобы люди не могли покинуть территорию страны?

Талеб, Нассим Никола (род. 1960 г.) – экономист, философ науки. Занимается исследованиями в области философии случайностей.

Тaleb Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости.

«Человеческое сознание страдает от трех проблем, когда оно пытается охватить историю, и я называю их *Триадой затмения*. Вот они:

- а) иллюзия понимания, или ложное убеждение людей в том, что они в курсе всего, происходящего в мире, – более сложном (или более случайном), чем им кажется;
- б) ретроспективное искажение, или наше природное свойство оценивать события только по прошествии времени, словно они отражаются в зеркале заднего вида (в учебниках истории история предстает более понятной и упорядоченной, чем в эмпирической реальности);
- в) склонность преувеличивать значимость факта, усугубляемая вредным влиянием ученых, особенно когда они создают категории, то есть *“платонизируют”*.

Первый элемент триады – это патология мышления, по милости которой наш мир представляется нам более понятным, более объяснимым и, следовательно, более предсказуемым, чем это есть на самом деле. Эмигранты, как правило, становятся пленниками собственных идиллических воспоминаний – они сидят в компании других пленников прошлого и говорят о родине, вкушая традиционные блюда под звуки народной музыки. Они постоянно проигрывают в уме альтернативные сценарии, которые могли бы предотвратить их историческую трагедию – например, проигрывая впоследствии в памяти события военных лет и формулируя свои идеи о восприятии случайных событий, я пришел к заключению, что наш разум – превосходная объяснительная машина, которая способна найти смысл почти в чем угодно, истолковать любой феномен, но совершенно не в состоянии принять мысль о непредсказуемости. Тому, что тогда творилось, не

было объяснения, но умные люди верили, что могут все убедительно объяснить – постфактум. Вдобавок, чем умнее человек, тем лучше звучит его объяснение. Еще печальнее то, что все эти мнения и комментарии не страдали отсутствием логики и нестыковками. Мне, как “сюрпризведу”, интересно то, что некое случайное событие заставляет одну группу, изначально стоящую на определенной позиции, вступить в альянс с другой группой, занимающей другую позицию, смешивая и объединяя тем самым две позиции... до неожиданного разрыва. Категоризация всегда упрощает реальность. Это работа генератора Черных лебедей – неодолимого платонизма, которому я дал определение в Прологе. Любое сужение окружающего нас мира может привести к взрывоопасным последствиям, потому что оно исключает из картины некоторые источники неопределенности и принуждает нас неверно интерпретировать ткань, из которой соткан мир. Например, вы можете считать, что радикальный ислам (и исламские ценности) – ваш союзник в борьбе с коммунистической угрозой, и помогать ему развиваться, пока исламисты не пошлют два самолета на деловой центр Манхэттена. бремя эпистемологической самоуверенности рода человеческого. За всю свою профессиональную жизнь я ни разу не попадал ни в какую хоть сколько-нибудь серьезную аварию. За все свои годы на море я видел только одно судно, терпящее бедствие. Я никогда не видел крушения, не переживал крушения, не оказывался в ситуации, которая грозила катастрофой.

Э. Дж. Смит, капитан “Титаника”, 1907 г.

Глава 5. Доказательство-шмоказательство!

У меня масса данных. – Могут ли Зуглы (иногда) быть Буглами? – Подтверждение-шмодтверждение. – Потггерова идея.

Мы любим рассказывать истории, мы любим резюмировать, и мы любим упрощать, то есть сводить многомерность событий к минимуму. Первая из проблем человеческой природы, которую мы рассмотрим в данном разделе, – *искажение нарратива* (на самом деле это настоящее мошенничество, но, дабы избежать грубости, остановлюсь на термине “искажение”). Связано оно с нашей склонностью к дотошному истолкованию (интерпретированию), с тем, что мы предпочитаем сжатые истории необработанной правде. Результатом является извращенное представление о мире, особенно когда речь идет о редком явлении. Искажение нарратива происходит из нашей неспособности рассматривать цепочку фактов, не оплетая их объяснениями или, что одно и то же, не скрепляя их логической связью – *стрелой взаимоотношений*. Объяснения объединяют факты друг с другом. Помогают их запомнить; придают им *большой смысл*. Опасно это тем, что укрепляет нас в *иллюзии* понимания.

В этой главе мы рассмотрим только одну проблему, но как бы с позиций разных научных дисциплин. Хотя проблему нарративности в одном из ее аспектов широко изучают психологи, она не является чисто “психологической”. Сама классификация знаний маскирует тот факт, что это, в более общем плане, проблема *информации*. Тогда как нарративность происходит из врожденной биологической потребности минимизировать многомерность, роботы неизбежно будут вовлечены в тот же самый процесс упрощения. Информация *требует*, чтобы ее упрощали.

Чтобы проиллюстрировать нашу биологическую зависимость от понятий, предлагаю вам следующий тест. Для начала прочитайте пословицу: ЛУЧШЕ СИНИЦА В В РУКАХ, ЧЕМ ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ. Наша склонность

повсюду искать смысл и идею мешает нам видеть смыслообразующие детали. Мы, приматы вида *Homo sapiens*, алчны до правил, так как нам необходимо свести к минимуму многомерность фактов, иначе они не лезут нам в голову. Я бы даже сказал – не *упихиваются*. Чем более случайна информация, тем больше ее многомерность и тем сложнее ее обобщать. Чем больше вы обобщаете, тем больше вы приносите порядка, тем меньше хаотичность. Таким образом, *то же самое обстоятельство, которое понуждает нас к упрощению, заставляет нас думать, что мир менее хаотичен, чем он есть на самом деле.* А Черного лебедя мы из этого упрощения исключаем. Усваивание (и навязывание миру) *нарративности* и *причинности* – симптом болезни, имя которой – боязнь многомерности. Подобно причинности нарративность имеет хронологическое измерение и дает нам ощущение хода времени. И причинность и нарративность направляют временной поток в одну сторону. Оказалось, что из двадцати шести человек – ни один. Все эти рассуждения про национальный менталитет – не что иное, как складно рассказанная история, удовлетворяющая лишь тех, кто жаждет объяснений всему и вся. Ею пользуются от безысходности, когда не удается отыскать более “похожей на правду” причины (вроде какого-нибудь фактора эволюции). Люди дурачат самих себя рассказами о “национальной самобытности”, которая разнесена в пух и прах в оригинальной статье за подписью шестидесяти пяти ученых в журнале “Сайенс”. (“Национальные особенности” хороши для кинематографа, еще они незаменимы на войне, но все-таки это чисто платоническое понятие. Однако и англичанин и неангличанин свято верят в существование “английского национального характера”.) В реальности пол, социальное положение и профессия в гораздо большей

степени определяют поведение человека, чем национальная принадлежность. Мужчина-швед больше похож на мужчину из Того, чем на женщину-шведку; у философа из Перу больше общего с философом из Шотландии, чем с дворником-перуанцем. Нарратив приводит к серьезным ошибкам в принятии решений. Что я имею в виду?

А вот что: по данным психолога Пола Словича и его коллег, люди, представьте себе, охотнее платят за страхование от терактов, чем от авиакатастроф (хотя в число последних террористические акты входят как частный случай).

Те Черные лебеди, которых мы воображаем, обсуждаем и боимся, совсем не похожи на реально грозящих нам Черных лебедей. Скоро вам станет ясно, что мы опасаемся не того, чего следует опасаться.

Как говорил Сталин, “одна смерть – трагедия, миллион смертей – статистика”».

Вопросы

1. Почему случаются непредвиденные события в обществе, политике?
2. Какова роль случайных событий?
3. Существует ли национальная самобытность? Как она проявляется в Канаде, Австралии и Америке?

Философия сознания – дисциплина, предметом которой выступает сознание. Когнитивная наука – междисциплинарное направление, изучающее сознание, восприятие, мышление на основе научных исследований сканирования мозга.

Т. Метцингер (род. в 1958 г.) – немецкий философ, когнитивист, изучает философию сознания.

Т. Метцингер Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго

«В этой книге я постоянно использую основную метафору сознательного опыта – «тоннель эго». Сознательный опыт

подобен тоннелю. Современная нейронаука демонстрирует, что контент нашего сознательного опыта – не только внутренний конструкт, но и чрезвычайно избирательный способ репрезентации информации. Вот почему я называю его тоннелем: все, что мы видим и слышим, осязаем, обоняем и ощущаем на вкус, – лишь малая доля реально существующего вовне. Наша модель реальности – упрощенная проекция несравнимо более богатой физической реальности, в которой и за счет которой мы существуем. Наши органы чувств несовершенны: они развились для выживания, а не для того, чтобы передавать величайшее богатство и красочность реальности во всей ее немыслимой глубине. Следовательно, непрерывный процесс сознательного опыта – не столько образ реальности, сколько тоннель сквозь нее.

Всякий раз, когда наш мозг успешно выполняет сложную стратегию создания единого и динамичного внутреннего образа реальности, просыпается наше сознание. Прежде всего, наш мозг создает модель мира, настолько совершенную, что мы не распознаем ее как модель. Затем мозг генерирует образ нас самих как целого. Он включает в себя не только наше тело и наши психологические состояния, но и отношение к прошлому и будущему и к другим существам, обладающим сознанием. Внутренний образ личности-как-целого – это феноменальное эго, ее Я или ее самость, появляющаяся в сознательном опыте. По этой причине я буду использовать термины «феноменальное эго» и «феноменальное Я» как взаимозаменяемые. Феноменальное эго – это не какая-то таинственная вещь или «человечек» в голове, а контент внутреннего образа – точнее, сознательной я-модели, или ФМС. Помещая модель себя внутрь модели мира, мы создаем ее центр. Центр мы переживаем как себя, наше эго.

Отсюда происходит то, что философы называют «перспективой первого лица». Мы не состоим в непосредственном контакте с реальностью и с самими собой, но мы действительно обладаем внутренней перспективой. Мы знаем как использовать слово «Я». Мы проводим нашу сознательную жизнь в тоннеле эго.

Вопросы

1. Как вы понимаете свое Я?
2. Откуда вы знаете, что Вы – это Вы?
3. Докажите, что мозг формирует репрезентацию реальности.

Томас Нагель (род. в 1937 г.) – американский философ, изучает философию сознания и права.

Томас Нагель Каково быть летучей мышью?

«Я сказал ранее, что вопрос об опыте летучих мышей эквивалентен тому, похоже ли на что-нибудь *быть* летучей мышью. Нам известно, что большинство летучих мышей (точнее, *microchiroptera*) воспринимают внешний мир в основном с помощью сонара, или эхолокации, обнаруживая отражения своих быстрых, тонко модулированных, высокочастотных криков от объектов, находящихся в пределах досягаемости. Их мозг способен соотносить исходящие сигналы с последующим эхом; информация, полученная таким образом, позволяет летучей мыши точно различать расстояния, размеры, форму, движение и текстуру так же, как мы различаем все это при помощи зрения. Однако, хотя сонар летучей мыши, безусловно, является органом чувств, он совершенно не похож ни на какой из наших органов чувств, и у нас нет никаких оснований предполагать, что он субъективно напоминает нечто, что мы способны вообразить или испытать. Это весьма затрудняет для нас понимание того, на что похоже быть летучей мышью. Мы должны попытаться найти некий

метод, который поможет нам делать выводы о внутренней жизни летучих мышей, исходя из нашего собственного опыта, или, по крайней мере, некий метод, который позволит нам приблизиться к этому пониманию.

Наш опыт предоставляет основной материал нашему воображению, которое, таким образом, ограничено. Нам недостаточно представить, что на руках у нас перепончатые крылья, позволяющие нам порхать на рассвете и на закате, ловя ртом насекомых; что мы очень плохо видим, и воспринимаем окружающее при помощи системы отраженных высокочастотных сигналов; что днем мы спим на чердаке, повиснув головой вниз. Все, что я могу себе вообразить (и это совсем немного), говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя, как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри *сама летучая мышь!* Но когда я пытаюсь это вообразить, я бываю ограничен ресурсами моего мозга, а эти ресурсы неадекватны для данной задачи. Я не могу выполнить ее, ни прибавляя нечто к моему опыту, ни убавляя чего-либо, ни путем сложных комбинаций прибавлений, убавлений и модификаций.

Если бы мне хотя бы частично удалось выглядеть и вести себя, как оса или летучая мышь, не меняя при этом моей фундаментальной структуры, мой опыт был бы совершенно не похож на опыт этих существ. С другой стороны, вряд ли можно ожидать от меня нейрофизиологии летучей мыши. Даже если бы меня каким-то образом удалось постепенно превратить в летучую мышь, ничто в моем теперешнем состоянии не позволяет мне предвидеть, на что будут похожи переживания меня превращенного. Лучше всего об этом могли бы сказать сами летучие мыши – если бы мы только знали, что они ощущают».

Вопросы

1. Можно ли понять, как чувствует себя летучая мышь?
2. Можно ли спроецировать переживания?
3. Что ограничивает ресурсы нашего мозга?

Постмодерн – направление в философии и культуре, акцентирующее внимание на разрыве с модерном.

Ж.Бодрийяр (1929–2007) – французский философ-постмодернист.

Ж.Бодрийяр Симулякры и симуляция.

«Репрезентация исходит из принципа эквивалентности знака и реального (даже если эта эквивалентность утопическая, она является фундаментальной аксиомой). Симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии и умерщвления всякой референции. В то время как репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как ложную репрезентацию, симуляция включает в себя всю структуру репрезентации, представляя ее симулякром.

Таковы последовательные фазы развития образа:

он отражает фундаментальную реальность;

он маскирует и искажает фундаментальную реальность;

он маскирует отсутствие фундаментальной реальности;

он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде.

В первом случае образ – доброкачественное отображение: репрезентация имеет сакраментальный характер. Во втором – злокачественное: вредоносный характер. В третьем случае он лишь создает вид отображения: характер чародейства. В четвертом речь идет уже не об отображении чего-либо, а о симуляции.

Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (к которой еще принадлежит идеология), то вторые открывают эру симулякров и симуляции, когда уже не существует Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно.

Когда реальное больше не является тем, чем оно было, ностальгия присваивает себе все его смысловое содержание. Переизбыток мифов об истоках и знаках реального – переизбыток вторичной истины, вторичной объективности и аутентичности. Эскалация истинного, пережитого, воскрешение образного там, где исчезли объект и субстанция. Необузданное производство реального и референтного, аналогичное и превосходящее необузданность материального производства: так симуляция проявляется в фазе, которая непосредственно затрагивает нас - в виде стратегии реального, неореального и гиперреального, повсеместно дублируемой стратегией апотропии».

Вопросы

1. Можно ли рассматривать мемы как симулякры?
2. Является ли бренд символом?
3. Чем опасна симуляция?

К.Поппер (1902–1994) – один из самых влиятельных философов 20 столетия, занимался философией науки, социальной и политической философией.

К.Поппер Все люди — философы: Как я понимаю философию

«Теперь мне хотелось бы представить ряд новых, характерных для философии и деятельности, мнений,

которые, однако, я считаю неудовлетворительными. Этот раздел я хотел бы назвать "Как я философию *не* понимаю". Во-первых, задача философии не состоит в устранении ошибок, хотя такое устранение иногда необходимо в качестве подготовительной работы. Во-вторых, я не считаю философию галереей произведений искусства, удивительных и оригинальных картин мира или рациональных и необычных его описаний. Полагаю, что мы поступаем совершенно несправедливо по отношению к великим философам, понимая таким образом философию. Великие философы не преследовали чисто эстетические цели. Они не хотели быть архитекторами утонченных систем; напротив, как и все великие ученые, они были прежде всего искателями истины, искателями реальных решений подлинных проблем. Я смотрю на историю философии в целом как на часть истории поиска истины и отвергаю ее чисто эстетическую ценность, хоть и согласен с тем, что красота в философии, как и в науке, имеет большое значение. Интеллектуально я очень мужественный человек. Мы не можем быть одновременно интеллектуальными трусами и искателями истины. Кто ищет истину, должен дерзать быть мудрым: Sapere aude!***. Следует дерзать быть революционером в сфере мышления. В-третьих, я не рассматриваю историю философских систем как историю интеллектуальных сооружений, на которых апробируются всевозможные идеи и в которых истина обнаруживается как побочный продукт. Я считаю, что мы несправедливы к истинно великим философам, если хоть на миг сомневаемся в том, что каждый из них отказался бы от своей системы, как только убедился, что она ни на шаг не приблизила его к истине. (Впрочем этим объясняется, почему я не считаю Фихте или Гегеля великими философами: сомневаюсь в их любви к истине.). В-четвертых, я не считаю философию

попыткой объяснения, анализа или "экспликации" понятий, слов или языка. Понятия или слова служат простым инструментом для формулировки высказываний, положений или теорий. Понятия или слова как таковые не могут быть ни истинными, ни ложными. Они лишь служат описывающему и обосновывающему человеческому языку. Нашей целью должен быть не анализ *значений*, а поиск интересных и *фундаментальных истин*, т.е. поиск *истинных теорий*. В-пятых, я не считаю философию средством определения разумности. В-шестых, я не считаю философию интеллектуальной терапией (как Витгенштейн), деятельностью, посредством которой люди освобождаются от своих философских путаниц. Мне представляется, что Витгенштейн в своих поздних работах не указал, говоря его словами, выход из мухоловки. Скорее муха, которая не может выбраться из мухоловки, есть точный автопортрет Витгенштейна. (Своим примером Витгенштейн подтверждает теорию Витгенштейна, так же как Фрейд - теорию Фрейда.). В-седьмых, я не вижу, чтобы в философии стремились выражаться точно или пунктуально. Точность и пунктуальность не являются сами по себе интеллектуальными ценностями, и мы никогда не должны пытаться быть более точными и пунктуальными, чем этого требует соответствующая проблема. В-восьмых, я не считаю философию занятием по определению оснований или понятийных рамок для решения проблем, которые могут встать в ближайшем или отдаленном будущем. Такую работу проделал в свое время Джон Локк, намеревавшийся написать эссе об этике, для чего он считал необходимым провести предварительную работу в области понятий. Его "Эссе" состоит из этой предварительной работы; и английская философия с тех пор застряла - за исключением некоторых политических эссе Локка и Юма - в этой

подготовительной работе. В-девятых, я также не понимаю философию как постижение духа времени. Это гегелевская идея, которая не выдержала критики. Разумеется, в философии, как и в науке, существует мода. Но, кто серьезно относится к поиску истины, не станет следовать моде; он скорее не будет доверять ей и даже сумеет с ней бороться. Все люди - философы. Даже если они не осознают, что сталкиваются с философскими проблемами, тем не менее в любом случае у них имеются философские предрассудки. Большинство из них (этих предрассудков. - *И.Ш.*) теории, которые признаются как самоочевидные. Люди заимствуют их из своей духовной среды или традиции. Поскольку лишь некоторые из этих теорий полностью осознаются нами, то они суть предрассудки в том смысле, что их принимают без критической проверки, хотя они и могут иметь большое значение для практической деятельности и всей человеческой жизни. Существование профессиональной, или академической, философии оправдывается необходимостью критически исследовать и проверять эти широко распространенные и влиятельные теории. Именно такие теории образуют отправные точки всей науки и философии. Однако они являются *ненадежными* началами. Всякая философия должна начинаться с сомнительных и часто пагубных воззрений некритического обыденного разума. Отсюда ясно, что установка делается на просвещенный, критический обыденный разум, на достижение точки зрения, приближающей к истине и оказывающей менее скверное влияние на человеческую жизнь. Мне хотелось бы здесь привести некоторые примеры широко распространенных и опасных философских предрассудков.

Существует очень влиятельная философская точка зрения на жизнь, согласно которой кто-то должен нести

ответственность за происходящее в мире зло (или нечто крайне нежелательное): кто-то это делает с необходимостью, даже преднамеренно. Эта точка зрения известна издавна. У Гомера ревность и ярость богов были ответственны за большинство ужасных событий, происходивших в окрестностях Трои и самом городе; а Посейдон – ответствен за скитания Одиссея. Позднее, в христианской традиции, дьявол несет ответственность за зло. А в вульгарном марксизме заговор алчных капиталистов препятствует наступлению социализма и достижению небесного царства на земле. Теория, согласно которой войны, нищета и безработица оказываются следствием злых умыслов и намерений, является частью обыденного разума, но она не критична. Я называю эту не критичную теорию обыденного разума заговорщицкой теорией общества. (Можно говорить вообще о заговорщицкой теории мира: достаточно вспомнить хотя бы громовержца Зевса.) Эта теория широко распространена. Она выразилась в поиске козла отпущения, гонениях и ужасных страданиях. Важной чертой заговорщицкой теории общества является поощрение ею действительных заговоров. Однако критическое исследование показывает, что заговоры едва ли достигают своих целей. Ленин, который отстаивал теорию заговора, был заговорщиком; этой теории придерживались также Муссолини и Гитлер. Но замыслам Ленина не суждено было сбыться в России, так же как и замыслам Муссолини в Италии или Гитлера в Германии. Все они стали заговорщиками, потому что некритически восприняли заговорщицкую теорию общества. Философия внесла [в правильное ее (этой теории), восприятие] скромный, но, по-видимому, значимый вклад, обратив внимание на ошибки заговорщицкой теории общества. Более того, этот вклад

побудил к мысли о том, что большое значение для общества имеют непредвиденные последствия человеческой деятельности, а также о том, что задача теоретических социальных наук состоит в объяснении социальных явлений как непредвиденных последствий нашей деятельности».

Вопросы

1. Почему все люди философы?
2. Чем отличается критический разум от обыденного?
3. Кто такой революционер в сфере мышления?

Хмелевски Адам Януш (род. в 1959 г.) – польский философ, общественный деятель, политический журналист.

А. Хмелевски Для чего нужна философия? (Adam Chmielewski *Do czego potrzebna jest filozofia?* // *Filo-Sofia*. Nr 26 (2014/3). S. 41-57).

«Вопрос о том, для чего нужна философия, касается того, кто хочет стать философом. Каждый из великих мыслителей, которые философствовали на разные темы и описывали нашу духовную реальность, отвечали на этот, глубоко личный вопрос, который, как правило, больше всего их интересовал. Сущность человека определяется различными способами. Думаю, что многие из мыслителей согласятся с философским тезисом, что человек, прежде всего существо, все упорядочивающее, то есть существо – *homo ordinans*. (польск. *istotą porządkującą*). Всю человеческую материальную культуру, а значит, все символическое, можно трактовать, как попытку выявить человека, глубоко проникнуть в его сущность, понять человеческую потребность к интеллектуальному упорядочению / структурированию окружающей обстановки, жизни, отношений с другими. Благодаря порядку окружающий мир человека становится структурированным, прозрачным и понятным, а потому предсказуемым и безопасным. Случайность мира и

изменчивость человеческой природы, однако, делает порядок установленным человеком в различных сферах своей жизни необходимостью, потому что человек обычно имеет короткий срок жизни. Сам окружающий мир не является структурой, мы его имеем от рождения, поэтому задача, которую необходимо выполнить человеку – проявить свое бытие. Тем не менее, необходимо найти определенную структуру, установить и организовать порядок, который не является законченным. Философия реагирует на эту рудиментарную человеческую потребность в упорядоченности мира: поток информации, который постоянно доходит до нас, требует объединения информации и формирования связей о единой реальности. Мы называем это мировоззрением. Каждому человеку необходимо общее, ориентирующее и организационное видение в личной и общественной жизни. Без этого человек теряет ориентацию и теряет свою цель, которую он должен достичь. Можно сказать, что человек проявляет тенденцию жить в среде двумя способами. Первый, пассивный, предполагает выявление порядка в окружении; второй, активный, связанный с производством и с решением определенных жизненных задач. Эти два способа установления порядка трудно разделить. Открытие порядка в окружающей среде является условием для эффективного создания нового; когда производство и попытка структурирования встречаются с неудачей, она становится стимулом для дальнейшего исследования, и в то же время находим ориентир, ведущий к открытию более глубоких принципов упорядочения мира. Человек создает инструменты, которые помогают ему открывать и производить порядок. Впоследствии этому необходимо иметь инструменты для поиска порядка в хаосе собственных продуктов, являясь результатом самой

попытки установить порядок. Поэтому он также создает методы для создания инструментов для обучения и создания порядка. Как открывается и создается порядок – это предмет различных человеческих размышлений. Язык и мифы – это интеллектуальные инструменты человека для выявления порядка в реальной жизни, которая представляется ему как нечто хаотичное. Эту структурирующую роль играют религии и философско-научные концепции. Первые принципы ионийских философов – не что иное, как принципы, которые постулируют порядок мира, и их целью является сделать это не только предметом понимания, но и предметом господства. Особенно важно пытаться понять мир как упорядоченное бытие, об этом говорил Гераклит, который разрабатывал концепцию об идее разума, преобразующего чувственный хаос в логическом, разумном космосе. Вышеприведенное противостояние между открытием порядка и его формированием полностью опровергают мнение о том, что человек отделен от своего окружения сферой заблуждений или идолов, а следовательно, и сущностями эстетического характера, ибо человеку они препятствуют иметь прямой когнитивный доступ к реальности. Фрэнсис Бэкон считал, что свет разума способен эффективно рассеять тьму. Размывание этой оппозиции равнозначно философскими различиями между объективностью и субъективностью, абсолютности и относительности, между природой и культурой. Человек никогда не может быть уверенным, что порядок, о котором он думает, есть, и он есть нечто большее, чем просто тень порядка, навязанная ему. Порядок, в конечном счете – это человеческий труд, и человек может только его обнаружить в своих собственных творениях (См. Р. Рорти «Философия и социальная надежда»). Вообще говоря, человек – это

упорядочивающее существо, а философия – это фундаментальная, наиболее общая наука о принципах понимания, ее задача навести порядок в мире и во всех сферах деятельности человека. Это также наука, которая указывает, почему определенные типы продуктов, которые произведены человеком, нужно заменить другими, более совершенными. Это ощущение, что философ является важнейшим из ученых, потому что он занимается основами всех других наук, он Наставник человеческой жизни.

Заключение

Философия ищет не просто знания, она пытается понять, что такое мудрость. Философия не является абстрактной и бесполезной сферой, она дает навыки, которые будут полезны не только в любой карьере, но и в личной жизни. Изучение философии позволит мыслить тщательно, критически и с ясностью придерживаться логического подхода к решению сложных вопросов и тщательно изучать сложные проблемы, обосновывать и оценивать рассуждения других, обсуждать разумно и эффективно писать. Приобщение к философским текстам дает возможность смотреть на вещи с разных точек зрения, понимать разные идеи, находить общий язык с людьми разного рода мыслительных установок, в том числе, критиковать свои собственные взгляды, а также мнения других; развивать свою способность понимать и объяснять сложные процессы; научиться отличать хорошие рассуждения от попыток манипулирования мнениям и выстраивать сложные аргументы и оценивать рассуждения других; развивать хорошие интерпретирующие, сравнительные, аргументированные, аналитические и описательные навыки письма, которые позволяют четко и эффективно передавать свои идеи.

Философия развивает интеллектуальные способности, важные для жизни в целом, помимо знаний и навыков, необходимых для любой конкретной профессии, так как она усиливает аналитические, критические и логические способности, которые применимы к любому предмету и в любом человеческом контексте.

Вопросы

1. Как философия структурирует жизнь?
2. Почему философ – это наставник человеческой жизни?
3. Что такое мудрость?

Список рекомендуемой литературы **Электронные ресурсы**

filosof.historic.ru - Электронная библиотека по философии, собрание текстов по истории философии, онтологии, гносеологии, антропологии, этике, эстетике, психологии, политологии и т.д.

Sinclair, Alistair J. *What is Philosophy? An Introduction*, 2008 // Stanford Encyclopedia of Philosophy <https://plato.stanford.edu/internet-encyclopedia-on-philosophy> <https://www.iep.utm.edu/>

Сайт Українського філософського фонду <http://www.philosophy.ua>
Електронна бібліотека “psylib” (психологія, філософія, релігія, культурологія, методологія та ін.) <http://www.psylib.kiev.ua>.

1. Філософія. Попович М. В., Васильченко А. А., Омелянчик В. Й., Вяткіна Н. Б., Навроцький В. В., Поляк Г. В., Кохан Я. О., Кузнецов В. І., Кисляковська І. В., Йолон П. Ф. Вимір раціональності як чинник європейської інтеграції України. / За ред. академіка НАН України М. В. Поповича. – К.: Наукова думка, 2014. – 294 с.

2. Філософія. Етика науки: виклики сучасності: Монографія / М.М. Кисельов, Т.В. Гардашук, С.І. Грабовський та ін. – Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2014. – 248 с.

3. Weinberg, Jonathan M., 2007, “How to Challenge Intuitions Empirically Without Risking Scepticism”, *Midwest Studies in Philosophy*, 31(1): 318–343.

4. Weinberg, Jonathan M., Chad Gonnerman, Cameron Buckner, & Joshua Alexander, 2010, “Are Philosophers Expert Intuiters?”, *Philosophical Psychology*, 23(3): 331–355. doi:10.1080/09515089.2010.490944.

5. Zamzow, Jennifer L. & Shaun Nichols, 2009, “Variations in Ethical Intuitions”, *Philosophical Issues*, 19(1): 368–388

Навчальне видання

кол. авторів: Владленова Іліана Вікторівна, Глущенко Євгеній В'ячеславович, Годзь Наталія Борисівна, Дольська Ольга Олексіївна, Дишкант Тетяна Михалівна, Єрмоловський Миколай Анатолійович, Міщенко Віктор Іванович, Кальницький Едуард Анатолійович, Смоляга Марина Виталіївна, Фідровська Марія Георгіївна, Тарароєв Яків Володимирович

Хрестоматія з філософії: практичні завдання і питання: навчальне видання для студентів усіх спеціальностей, в тому числі, іноземних

Російською мовою

Відповідальний за випуск

проф. Я.В. Тарароєв

Роботу до друку рекомендував

проф. А.В. Кипенський

В авторській редакції

План 2018 р., поз.118

Підп. до друку 10.01.19